

Константин Левицкий

КРОВЬ

Слово было написано крупным размашистым почерком. Отец Кшиштоф положил красный маркер на стол и повернулся к сидящим в оратории. Семь человек – двое молодых людей, мужчина средних лет, две девушки, пожилой седовласый прихожанин и женщина, по виду ровесница седовласого – удивленно переводили взгляды с доски на священника и обратно.

- Я прошу – возьмите листки бумаги и напишите не менее десяти слов, которые ассоциируются у вас с этим словом. Две минуты!

Низкий звучный голос священника с едва уловимым акцентом неожиданно контрастировал с его невысокого роста худощавой фигурой. Отец Кшиштоф медленно пошел вдоль длинного стола, за которым сидели пришедшие на реколлекции прихожане. Он заглянул через плечо светловолосой девушки, читая написанное, одобрительно кивнул; с едва заметной улыбкой взлохматил волосы сидевшего рядом парнишки, заметив, как тот косится на листок соседки, и слегка отвернул его голову в другую сторону. «Вася, не лазь в чужой огород!» – негромко сказал священник. Парень покраснел и уткнулся в свой лист.

- Время. А теперь давайте каждый прочитает, что у него получилось. А мы все будем записывать те ассоциации, которые у нас не возникли. Ну, кто первый? Кто смелый?

Прихожане переглянулись. Подруга светловолосой девушки подняла руку.

- Давай, Рыжик, мы не в школе. Вставать тоже не обязательно, – улыбнулся священник.

- У меня получилось: любовь, рана, месть, эритроциты, родня, в смысле, кровная; красный цвет – так можно? А еще больница, драка, доноры и бандиты. Ой, как-то они рядом в одну кучу получились...

- Это ничего, – ободряюще заметил отец Кшиштоф. – Времени ведь было не очень много – мы еще успеем рассортировать, если нужно будет. А так очень хорошо. Кто еще?

Василий, который пытался подсмотреть листок у соседки, хмыкнул.

- У меня тоже любовь, артерии, вены, сердце, легкие, лейкоциты, лимфоциты, иммунитет, болячка – ну, когда кровь сворачивается, и питание – кровь ведь разносит питательные вещества.

- Хитер ты, студент, – подмигнул ему отец Кшиштоф. – Уж лейкоциты, лимфоциты и иммунитет на три пункта растянуть... У тебя целый медицинский справочник получился. Если еще вместо болячки фибриноген написать, и тромбоциты туда же, да еще седьмой фактор... целых двенадцать бы вышло!

Василий чуть нахмурился, потом неуверенно улыбнулся. Видно было, что клиническая осведомленность священника его зацепила.

- А вы что, отец, тоже в медицинском учились?

- Я... много где учился, – уклончиво сказал отец Кшиштоф. – Обратите внимание: у слова «кровь» как будто есть две стороны, и они неразрывно связаны друг с другом. С одной стороны – любовь, защита, питание, жизнь... – у кого-то есть ассоциация «жизнь»?

Седовласый прихожанин и его сосед помоложе подняли руки. Вслед за ними подняла руку и светловолосая соседка Василия.

- Так, – удовлетворенно кивнул отец Кшиштоф. – А с другой стороны – месть, рана, драка...

- Смерть, – тихо произнесла пожилая женщина.

- Да, Полина, смерть. Поэтому я предлагаю дальше сразу, по мере того, как вы будете называть свои ассоциации, мы будем вместе распределять их по этим двум группам.

Он подошел к доске и разделил ее пополам вертикальной линией. Потом взял красный и желтый маркеры и повернулся к прихожанам.

- Кто следующий?

Минут через двадцать доска была исписана не одним десятком слов. Отец Кшиштоф предложил некоторые конкретные термины объединить более общими понятиями. Так на доске появились «страдание», вобравшее в себя «боль», «раны», «пытка», «портить кровь» и еще несколько вариантов; в соседней колонке большая часть клинического блока Василия заменила «защита». Больница, хирургия, донорство и другие схожие понятия вошли в «исцеление» и «спасение». Завершали списки слова ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ.

- Мы хорошо поработали, – отметил отец Кшиштоф. – Но это только начало. Теперь я предлагаю буквально минутку поразмышлять вот над чем...

С этими словами он взял губку, стер слово КРОВЬ, вместо него написал ХРИСТИАНСТВО и отошел в сторону.

Через несколько секунд выражение недоумения на лицах собравшихся стало уступать совсем другим чувствам.

- Потрясно! – вырвалось у смуглого черноглазого парнишки, товарища Василия.

- Это же... один в один, даже еще точнее. – Седовласый прихожанин снова медленно пробежал глазами получившиеся красный и желтый списки.

- Отец Кшиштоф, откуда вы поняли, что так получится? Вы ведь не могли заранее знать – что именно мы напишем! – удивление Рыжика граничило в ее голосе почти с вызовом.

- А я и не знал. Я надеюсь, мы помним, что в ветхозаветной традиции пророки часто прибегали к метафорам, символам, и такое обращение помогало людям лучше их понимать и услышать Божий призыв. Иисус, кстати, придерживался той же традиции; даже прямые обличения не вызвали у фарисеев такой ярости, как, например, притча о виноградарях... Помните начало Послания к Евреям?

Парень, сказавший «потрясно», прикрыл глаза и процитировал:

- Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам через пророков... нет, не через пророков, а в пророках, кажется...

- Совершенно верно, Тимур. Вот чему нам всем надо учиться от братьев-протестантов, так это знанию Писания, – отец Кшиштоф обвел глазами прихожан. – И, как мы только что убедились, даже когда Бог стал говорить нам в Своем Сыне, метафоры и символы остались на вооружении Божественной педагогики. Мы с вами сейчас увидели, что кровь является очень емким символом главных аспектов христианства. Впрочем, увидели это не мы первые; я, кстати удивлен - почему ни у кого из вас не возникли ассоциации с евхаристией?

Сидящие в оратории переглянулись. «Ведь верно – евхаристические хлеб и вино – это же символ Крови и Плоти Господа» – пробормотал Тимур.

- Вот чему нужно поучиться братьям-протестантам у нас, католиков, так это последовательности в доктрине Боговоплощения, - тут же повернулся к нему отец Кшиштоф. – Не просто символ, Тимур; в чаше действительно после епиклесиса, призывания Духа Святого, под видом вина находится вполне материальная Кровь. Между прочим, четвертой группы, резус положительный.

- То есть?... – тут уже Василий вскинул брови.

- Брат-медик, отвлекаться не будем. А на досуге погугли «Сан-Легонций», через дефис. Тимур, тебе тоже рекомендую. Так вот, мы с вами собрались здесь, чтобы поговорить не просто о крови (хотя и это уже оказалось интересным отражением христианских смыслов), а о Крови Господней. И я надеюсь, что нам не придется отказываться от плодов проделанной нами работы; напротив, они получают новое измерение. Однако, мы с вами решили посвятить этому исследованию сегодняшнюю ночь; давайте прервемся на чай-кофе, а потом продолжим.

Отец Кшиштоф отставил в сторону чашку с чайным пакетиком.

- Итак, давайте остановимся на том, что для нас значит такой образ, как Кровь Иисуса Христа. Начнем вот с чего; давайте вспомним – где в Писании мы встречаемся с этим понятием, где речь идет о Крови Господа. Нет, книги мы откладываем – эй, молодежь, трубки в сторону! Я говорю и о мобильной версии... На память, кто что вспомнит!

- Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха! Послание Иоанна, – отчеканил Тимур.

- Без пролития крови не бывает прощения; по-моему Павел, а к кому – не помню, – отозвался мужчина, сидящий рядом с седовласым.

- А из вечерни сегодняшней: «примирив с Собою Кровию Креста Его и земное и небесное», кажется так? – несмело предложила Полина.

Рыжик наморщила лоб.

- Сейчас, как же там... Кровь Моя истинно есть питье, кто не будет пить Крови Моей, не увидит Царствия Небесного.

- А еще что-то было про кровь, говорящую лучше, чем кровь Авеля... Только где и у кого? – Василий обернулся к Тимуру. Тот задумался на секунду, потом неуверенно сказал:

- По-моему, это к Евреям... Там вообще про кровь, в частности про Кровь Христову много чего было.

Отец Кшиштоф трижды хлопнул в ладоши.

- Пока достаточно. Очень даже неплохо. Думаю, мы вполне могли бы продолжить, судя по тому, что вы только начали разгоняться... Мы видим, что в Новом Завете его составители также не прошли мимо темы Крови Иисуса Христа. Что же за этим кроется? Давайте разберемся, что мы имеем в виду, когда говорим об этом. Во-первых, мы говорим о Крови Христа, имея в виду конкретную кровь конкретного человека, жившего около двух тысяч лет назад на территории нынешнего Израиля, пролившего эту самую кровь вполне в клиническом, анатомическом смысле при определенных обстоятельствах. Здесь и кровь, пролитая при бичевании, и при нарушении целостности кожных покровов головы от шипов терновника, и – перед этим – диapedез, то есть пропотевание красных форменных элементов крови через кожные покровы от напряжения во время молитвы в Гефсимании, и вытекшая из раны от копья эритроцитарная масса, осевшая в нижней части сердечной сумки предположительно после разрыва миокарда, и светлая жидкость – плазма, которая легче эритроцитов, и потому вытекшая позже...

- Отец, вы как будто на лекции по физиологии... Это ничего, что мы так говорим о Боге? – настороженно перебил священника Василий.

- А это ничего, что говоря о цене нашего спасения, мы как-то абстрагируемся от довольно страшной именно анатомической, физиологической правды про эту цену? – парировал отец Кшиштоф. – Именно так, Вася; Господь хочет, чтобы в отделении патанатомии, в травматологии, на кафедре судебной медицины, встречаясь с подобными повреждениями и их последствиями ты хорошо понимал, что именно Ему пришлось пережить, чтобы уберечь тебя и меня от еще более страшных вещей... Поэтому я настаиваю, первый аспект – это именно историко-анатомическая реальность, кровь четвертой группы положительного резус-фактора, которую в разные периоды Своей жизни пролил вполне конкретный, живой и чувствующий боль как ты и как я человек, подвергнутый истязаниям и распятый по приговору вполне конкретно-исторического римского прокуратора; человек, чьи лучезапястные суставы и плюсневые кости были пробиты без анестезии вполне конкретными четырехгранными коваными гвоздями конической формы длиной четырнадцать с половиной сантиметров...

В оратории повисла мертвая тишина.

- Второй аспект, когда мы говорим о Крови Господа, несколько сложнее для понимания, но не менее важен. Боговоплощение подразумевает, что Создатель Вселенной, написав Себя на страницах собственной же книги в виде персонажа, через это явственным образом обрел ту же природу, что и другие персонажи. Облекшись в нашу природу, Он стал нам в буквальном, если угодно - генетическом смысле родственником. Причем это родство распространяется на всех людей без исключения – и на уже ушедшие к тому моменту поколения, и на современников, и на все грядущие поколения – вплоть до последней главы этой Книги, до конца времен. Что это значит для нас? В том, достаточно узком аспекте, который мы сейчас рассматриваем, это значит, что Ему не чуждо любое человеческое страдание – не только в плане Его личного переживания, но в том смысле, что в любом страдании человека незримо присутствует страдание Самого Христа – вечного несотворенного Бога, ставшего Человеком.

- Погодите, отец Кшиштоф, – Василий выглядел весьма озадаченным. – Ведь есть страдание и страдание. Вор в тюрьме страдает, что нельзя свободно воровать. Наркоман страдает от того, что не достал дозу. И... что?

- Очень глубокое замечание, спасибо, Вася! Давай теперь отплывем еще глубже. Скажи, зачем вор ворует?

- Ну, чтобы иметь деньги... И, наверное, для самоутверждения еще.

- Правильно. А зачем ему деньги и для чего он самоутверждается?

- Деньги – чтобы исполнять свои желания. А самоутверждение... наверное, чтобы доказать, что он крутой.

Отец Кшиштоф поднял было руку, но Василий уже сам оборвал себя.

- Нет, это и есть самоутверждение – доказывать... А, чтобы знать, что он что-то значит, что он имеет ценность, что его есть за что уважать... тьфу ты, ерунда получается. За воровство уважать? Хотя воры его и будут уважать как раз за воровство... так?

Отец Кшиштоф, улыбаясь, хлопнул в ладоши.

- Молодец! Сам все сказал. Конечно, вор ищет ощущения собственной ценности. Даже рабство желаниям имеет ту же подоплеку: если я не могу удовлетворять свои потребности (независимо от степени их нравственности), раз у меня нет денег, чтобы их удовлетворять, то я лох и лузер, ничто, пустое место... и это грозит, кстати, вполне физическими страданиями – от голода до побоев. Вор не получает того, в чем по-настоящему нуждается - в осознании того, что его любят, независимо от его умения чего-то добиваться; в осознании защиты, превосходящей любые возможности денег. Но он ставит ощущение своей защищенности в зависимость от денег и авторитета, подменяя слово ЛЮБИТЬ словом ЦЕНИТЬ ЗА, в этом его ошибка.

- Скажи-ка это вору-рецидивисту... – криво усмехнувшись, пробормотал Василий.

- А он и сказал.

Все повернулись к тому углу стола, где видел седовласый прихожанин. Тот неловко улыбнулся, но продолжил, не опуская взгляда.

- Только я не сразу поверил. А потом... пришлось поверить.

- Валерий Михайлович, так вы... – Рыжик осеклась, не зная, как продолжить.

- Да, – просто кивнул седовласый. – Четыре ходки, начал еще по малолетке. Но это другая история, не за тем собрались. Главное сказано – Вася, поверь – так бывает, когда это слышит вор-рецидивист, то случается, даже он понимает: всю жизнь гонялся, по сути, за баландой, а дома ждали с накрытым столом. И... давайте просто Михалыч.

- Я предлагаю посмотреть на это с другой стороны, – сказал отец Кшиштоф, выждав паузу после неожиданного признания седовласого. – Что бывает, если из здорового тела вырвать кусок плоти? Правильно, потечет кровь. Ириша, найди, первую главу послания к Ефесеянам.

Светловолосая девушка быстро перелистала лежавший перед ней томик. Василий и Тимур синхронно затанцевали пальцами по экранам смартфонов.

- Стих двадцать третий прочитай, пожалуйста.

- Которая есть Тело Его, полнота наполняющего все во всем. О чем это, отец?

- О Церкви, Ириша. А теперь первое Коринфянам, пятнадцать – двадцать восемь, окончание после запятой, – , продолжил священник. Тимур?

- Тогда и Сам... нет это окончание. Вот – «да будет Бог все во всем».

- Василий, Колоссянам третья одиннадцать, тоже после последней запятой.

- Сейчас... ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного - ага – «но все и во всем Христос». – И что все это значит?

- А значит это, дорогие мои, что в замысле Отца не должно быть ни одной точки пространства, ни одного момента времени, ни одного социального или национального положения, ни одного состояния души и тела, где не присутствовал бы Господь Иисус Христос. И те фрагменты нашего с вами бытия, в которых реализовано сопротивление Его присутствию, где нет полноты Его присутствия – это те места, где из Его Тела заживо вырваны куски плоти. Где есть грех, там не нашлось места нормальной ткани Тела Христова, она отторгнута злой волей или неведением, которое впрочем почти всегда – тоже порождение злой воли.

- Постойте... - тихо заговорила Ирина. – В дневниках Фаустины Ковальской есть место, где Иисус говорит ей, что Его бичевали за наши грехи плоти. Значит...

- Да, Ириша. Значит служение похоти не оставляет места присутствию Бога. И значит бесчисленное количество незаконных сексуальных связей и даже мыслей необходимо отражается в бесчисленном количестве кусочков кожи и мышц, вырванных из Тела Иисуса из Назарета римскими бичами с железными крючьями на концах – они назывались «скорпионы». Невыполненный нами долг целомудрия, выраженный в незаконном удовольствии плоти, Иисус заплатил за нас – когда отказался от удовольствия плоти, и выбрал вместо него страдание плоти. В данном случае, цена нашего телесного удовольствия – непослушание Богу; цена Его послушания Богу – телесное страдание. Он буквально страдал за нас, Он пожертвовал Свое страдание, Свою пролитую при бичевании Кровь, за наше искупление.

Отец Кшиштоф пристально посмотрел на мужчину, сидевшего рядом с Михалычем.

- Если позволительно такое сравнение, так богатый инвестор выкупает долги обанкротившегося предприятия. И вкладывает в него средства, чтобы оно стало из убыточного прибыльным... приносило продукт, плод. Но для этого нужен полный аудит, чтобы выкинуть устаревшее оборудование и отказаться от структуры бизнес-процессов, приведших к банкротству. Нужно строить новое дерево целей, иначе потребуются новые вливания. Точно так же, если мы, за кого уплачен долг послушания самой драгоценной валютой, снова возвращаемся к старым целям, снова не даем места Присутствию Бога в нашей жизни тела, то потребуются новые вливания... точнее, новые пролития Его Крови.

- Но отец... – Рыжик недоуменно встряхнула волосами. – Ведь Христос пострадал один раз. Как может быть новое пролитие?

- Рыжик, как свет этой лампы может многократно отражаться и преломляться в ее хрустальных подвесках, и от этого люстра выглядит светлее?

- Не понимаю все равно...

- Это не страшно; давайте подкинем нашим мозгам углеводов, и потом продолжим, - с этими словами отец Кшиштоф потянулся к чайнику, чтобы включить его.

6

- Мы остановились на том, что любое человеческое страдание – это место, где незримо, но вполне реально присутствует страдание Христа, ставим знак равенства – где в духовном смысле проливается Его Кровь. Мы разобрали, что Его страдание/пролитие Им Крови спасительно для нас, ибо уничтожает наш невыплаченный долг послушания Божьей воле...

Отец Кшиштоф, заметив нетерпеливо-вопросительное выражение на лице Василия, протестующее поднял руку.

- Мы сейчас не будем останавливаться на вопросах – почему Бог не стал просто «списывать» нам этот долг без крестной жертвы и почему нам бы это никак не помогло. Это отдельная тема, она связана с человеческой свободой. И еще мы установили, что Кровь Христа незримо льется там, где присутствует грех; где воля разумного существа противится Присутствию Бога в тех или иных аспектах своего существования.

- Отец, так что все-таки там с необходимостью нового пролития крови при повторении грехов? Христос уже пострадал... один раз пострадал. А вы говорите, что когда мы снова грешим, то нужны еще жертвы... разве Жертвы Христа недостаточно?

- Рыжик, посмотри еще раз на нашу люстру. Сколько источников света ты видишь? Девушка посмотрела наверх, прищурилась.

- Там одна лампочка.

- Откуда же берется такая россыпь лучей и бликов?

- Ну свет же в висюльках отражается! – воскликнула Рыжик.

- А эти висюльки являются источниками света?

- Да, конечно... То есть не совсем. Сами они не светятся, то есть светятся, но не своим светом... Отец, вы меня запутали!

- Да нет, Рыжик, это ты для нас как раз все распутала. Ты привела очень точную формулировку – «светятся, но не своим светом». Источник света – один, это лампочка. Но ее свет, благодаря природе стекла, актуализируется в каждом элементе подвески. И в результате мы получаем больше света, чем если бы светила одна лампочка, без люстры.

- Отец Кшиштоф, это невозможно, – Василий энергично мотнул головой. – Света не может стать больше, дополнительным люксам-люменам неоткуда взяться! Это же физика...

- А я и не говорил, что СТАЛО БОЛЬШЕ света. Я сказал, что МЫ ПОЛУЧАЕМ БОЛЬШЕ СВЕТА, - возразил священник. – Без подвесок наш глаз получил бы только один узкий лучик от спирали лампочки. Но благодаря тому, что есть подвески, каждый хрустальный элемент, находясь в определенной точке пространства, ловит свой лучик и преломляет его в себе. И мы получаем уже не один сегмент, а много сегментов света – от каждого кристалла свой. Подвески просто не дают свету пропасть даром, пройти мимо нашего глаза. Это же физика! – с улыбкой закончил отец Кшиштоф.

- Нет, а к чему мы зациклились на этой люстре? – нетерпеливо спросила Ирина.

- Кажется, я понимаю, – вступил в разговор молчавший до сих пор мужчина. Отец Кшиштоф тут же повернулся к нему.

- Да, Владислав.

- Можно? – Владислав потянулся за Библией и, коротко заглянув в оглавление, зашелестел страницами.

- Вот, вроде здесь. Колоссянам, один двадцать четыре. Павел пишет: «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, Которое есть Церковь». Мы об этом? – Владислав вопросительно посмотрел на священника.

Отец Кшиштоф медлил с ответом, пристально глядя на собеседника.

- Вы... - медленно начал он.

Владислав неожиданно рассмеялся.

- Отец, честное слово – я не был раньше на ваших реколлекциях, и мне не было откровения. Это простая логика и привычка сопоставлять. Вы же сами в прошлом году объясняли мне, что в этой фразе речь не идет о личной аскетической практике Павла в целях самосовершенствования, иначе не было бы слов «за Тело Его, Которое есть Церковь». И уж вовсе не о том, что скорби Христа были недостаточны, и нуждаются в дополнении страданиями апостола. «Община в Колоссах нуждалась в *актуализации* Страстей Господних в Его апостоле, который так и говорил – живу не я, а живет через меня Христос» – это были ваши слова. А сейчас вы сказали, что свет *актуализируется* в каждом элементе подвески. Вы хотите сказать, что Жертва Христа была совершенной и достаточной, но она преломляется, отражается – как свет в хрустале подвески – в жизни и страданиях Его последователей?

- Вы совершенно правы, Владислав, – утвердительно кивнул священник. – Жертва Спасителя не имеет никакого недостатка. Но нам всем катастрофически недостает – и всем почти всегда недоставало – столкновения с живым опытом чьей-то жизни по Евангелию, без оглядки на цену. И когда кто-то оказывается во тьме, часто свет Христовой Жертвы может достичь его, только преломившись в чьей-то человеческой природе, направляющей лучик этого света в нужном направлении.

- Отец, поэтому и говорят, что кровь мучеников – это семя христиан? – выждав паузу, спросила пожилая соседка Михалыча.

- Да, Полина. Но чтобы это семя дало всходы, одного героического свидетельства мало. Потому что далеко не всегда дьявол действует через страх боли и смерти. Так тот, кто принимает на себя обет безбрачия, становится хрустальным элементом подвески для тех, кем овладела похоть. Их достигает свет чистоты – часто даже без непосредственного опыта общения в социальном измерении. Есть ведь еще и молитвенное измерение, невидимое миру, но реальное, как... как...

- ...как радиоактивное излучение, – подхватил Василий. И тут же, смешавшись, добавил, – только радиация вредная, наверное, неудачный пример...

- Спасибо, Вася, – кивнул отец Кшиштоф. – Пример удачный – ты иллюстрировал не полезность, а сочетание незримости и реальности. И потом – рак ведь лечат радиацией, разве нет?

- То есть, когда Тереза Малая, уже болея туберкулезом, преодолевая слабость, ходила по своей келье, чтобы легче было ходить миссионерам в Америке, она тоже стала хрусталиком подвески? Независимо от того, что она никогда не видела миссионера, а он даже не подозревал о существовании молящейся за него монахини-кармелитки? – недоверчиво покачала головой Ирина.

- Ирина, а сколько раз в день ты читаешь молитву за неведомого тебе еще не родившегося малыша? – задал встречный вопрос отец Кшиштоф. – Тебя не смущает тот факт, что ты не знаешь ни его, ни его родителей, и увидите вы только на небесах? И вообще, мы как-то забуксовали на теме люстры; вернемся к теме нашей встречи. Да, Ирина, Кровь Христа, незримо пролившаяся в страданиях святой Терезы, в духовном, мистическом измерении не ограничена ни временем, ни пространством, ни ограниченностью человеческого опыта, в том числе коммуникативного. И поэтому, – он повернулся к Василию, – ее тромбоциты вполне могут латать прорехи в духовной защите неизвестного миссионера за тысячи километров от кельи молящейся за него кармелитки.

- Но есть еще и третий аспект, который неразрывным образом связывает историко-анатомическую и вселенско-мистическую реальности Крови Господа Иисуса. Кто его назовет?

Ораторий безмолвствовал. Отец Кшиштоф укоризненно смотрел на собравшихся.

- А ведь мы сегодня – точнее, уже вчера – только что говорили об этом. Вы второй раз упускаете из виду то, о чем нужно помнить постоянно...

- Причастие? – поднял голову Василий.

- Ну конечно. Вот уже две тысячи лет ежедневно на десятках, сотнях, тысячах алтарей Автор возвращается на страницы Своей книги; вино и хлеб становятся Им Самим, чтобы мы могли не просто в молитве, а физически, всей своей тварной природой соединиться с Ним. Евхаристическая чаша – это то место, где пересекаются время и вечность; и мы с вами каждый раз оказываемся в самом центре этого пересечения...

Ирина помотала головой, потом сжала виски ладонями.

- Отец Кшиштоф, то есть получается, что Он реально дает нам пить Свою Кровь, чтобы мы могли... могли...

- ...проливать Ее как святая Тереза, - тихо закончила Полина.

- Как святая Тереза, как апостол Павел, как отец Максимилиан Кольбе, как падре Пио, как сотни тысяч, может быть даже уже миллионы христиан, которые имели возможность вслед за Павлом повторить: живу не я, а живет через меня Христос, - подхватил отец Кшиштоф. – Но вы рассказали лишь об одной стороне этого удивительного общения; оно у вас поэтому получилось одностороннее и логически неполное, незавершенное.

- Что вы имеете в виду? – озадаченно спросил Владислав.

- А откуда в чаше взялось вино? – задал священник встречный вопрос.

- Как откуда? Как сказать-то... из бутылки, наверное.

- Ну, если быть точным, то непосредственно в чашу вино попадает не из бутылки, а из специального богослужебного сосуда, по-латыни *ungelum*, кувшинчик по-русски. И вот тут я хочу предложить вашему вниманию очень интересную трактовку этого процесса, которую можно найти в Конгрегации Драгоценной Крови Христовой, а именно – у отца Винфрида Вермтера.

Отец Кшиштоф взял с края стола небольшую красную книжку, раскрыл на приготовленной закладке и протянул ее Ирине.

- Ириша, прочитай, пожалуйста, вот отсюда, где отмечено и дальше выделенные фрагменты.

Девушка положила перед собой книгу, откинула прядку волос со лба и начала читать:

В чаше нашего сердца мы собираем Кровь Христову, которая течет нам навстречу в трудах и хлопотах дня, в собственном страдании или в страдании других людей. Мы собираем ее и непрестанно творим из нее евхаристическую жертву и дар, к которым присоединяем и самих себя – к славе Божией и ради спасения мира.

Не пропускай ни одной возможности принять в свое сердце вино своей жизни – капля за каплей, мгновение за мгновением. Не обращай внимания, сладкое это вино или терпкое.

Ты не призван изменить мир. Вино в чаше остается кислым или сладким, даже когда оно пресуществлено в Кровь Христа. Чтобы достичь счастья, миру нужно не разрешение всех проблем. То, что ему нужно, это спасение. Достаточно того, что ты сегодня с верой и доверием находишься там, где сегодня в твоих ближних Христос на кресте истекает Кровью.

Ирина закончила читать и медленно закрыла книгу.

Отец Кшиштоф некоторое время как будто вслушивался в тишину, наступившую после чтения книги отца Винфрида. Было слышно, как вдалеке громыхнул на стыках спешащий в депо последний трамвай.

- Вот почему я сказал, что предыдущая трактовка была неполной. Мы приносим Господу в своем сердце все то, чему надлежит преобразиться, если хотите – пресуществиться, стать местом Его присутствия, как становятся местом Его физического присутствия хлеб и вино. Иными словами, мы приносим Ему вино своей жизни, и нашу земную жизнь Он делает источником Своей Крови, чтобы Его Кровь стала источником нашей жизни в Боге, и не только нашей, но и жизни всего мира. Поэтому Церковь употребляет по отношению к Мессе выражение «чудесный обмен»; поэтому в православной литургии в анафоре звучит возглас: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся».

- То есть вы хотите сказать, – медленно произнес Владислав, – что мы должны научиться видеть страдание Господа там, где другие видят лишь человеческое страдание; и даже если мы не можем устранить его причину, оно все равно служит в конечном счете спасению, а значит благу тех, кто страдает? Не потому что наша боль что-то искупает, а потому, что она становится – как вы сказали, актуализацией? – искупительного страдания Спасителя?

- Совершенно верно, Владислав. Но с одним условием: кто-то это должен признать реальностью. Желательно – кто-то из участников драмы. Без молитвы над Дарами вино останется вином. В идеале – ни один люмен света не должен пропасть втуне, не будучи преломлен в оказавшемся на пути кусочке хрусталя; как мы слышали у отца Винфрида – ни одна капля вина нашей жизни не должна остаться без произнесенного над ней епиклесиса...

- Но погодите! – Тимур протестующе поднял ладони. – Когда речь идет о страданиях святой Терезы, все понятно, да - это актуализация, alter Christus. Но когда страдание злодея вызвано его же злодеяниями...

- ...кто-то должен увидеть как и в нем Христос на кресте истекает кровью, Тимур, - задумчиво произнес Михалыч. – Потому что иначе у него просто не будет никакой возможности... надежды не будет. Хотя не факт, что он согласится с этим видением, и уж совсем не факт, что согласится сразу.

Отец Кшиштоф благодарно кивнул ему и обернулся к Тимуру.

- Ты поднял очень важную тему, парень. Это – тема справедливости. Давайте вспомним, дорогие, как Господь решал эту проблему справедливости? В каких ситуациях к Нему приходили с вопросами, касающимися именно справедливых последствий человеческих проступков? Тимур?

- Ну, первое, что приходит в голову, это когда к нему привели ту женщину, которую хотели побить камнями. Да, интересно... я впервые понял сейчас, что Он ведь не отменил справедливость, Он ее...

- ...углубил и довел до логического завершения, – подхватил Владислав. – Потому что когда преступник лезет в судьи, это именно несправедливо.

- А справедливо душить за червонец, когда тебе простили миллион? – отозвался Михалыч. – Когда вышел по амнистии, в судьи лезть несправедливо вдвойне.

- Резюме, – удовлетворенно улыбаясь, сказал отец Кшиштоф. – Да, Владислав; Иисус довел справедливость даже не до завершения, а до совершенства. И тогда из нее, как бабочка из гусеницы, рождается милосердие. Когда Он призывал прощать обижающим нас и молиться за врагов, то называл это не отказом от справедливости, а именно совершенством, уподобляющим нас совершенству Небесного Отца. Для Которого ничто, даже человеческий грех, не является препятствием и ограничением Его бесконечного милосердия.

- Между прочим, отец Кшиштоф, бабочка рождается не из гусеницы, а из куколки, - с шутивым упреком заметила Рыжик.

- Спасибо, отличная поправка. Именно поэтому, сталкиваясь с несправедливостью, особенно с несправедливостью в свой адрес, нам не нужно сразу и рефлекторно действовать. Нужен либо момент, либо целый период полного бездействия, сосредоточенности на том, что должно вырваться внутри нас, на внутреннем диалоге с Господом, желающим нас преобразить.

- Отец, как у вас так получается? – почти возмущенно перебил священника Василий. – Ладно историю с философией, ну, логику – это понятно, но вы умудряетесь для подтверждения своей правоты использовать даже физиологию, медицину, физику, экономику... А теперь еще и энтомологию!

- Поправочка, Василий. Во-первых, не своей правоты. Я лишь кассир, деньги в сейфе – не мои. Во-вторых, Бог многократно и многообразно говорит нам не только через пророков, но и через саму природу, которую Он во многом задумал именно как материализованную притчу, даже целый талмуд. А в-третьих, Он это делает не только сейчас и не только с нами, и даже обличает через апостола Павла неумение и нежелание людей этот талмуд читать. Быстренько найди начало Послания к Римлянам, стихи девятнадцать-двадцать.

- Секунду... вот. Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы...

- Вот и давайте рассматривать. Возвращаемся к нашей теме несправедливости, и снова нам поможет отец Винфрид. Ириша, прочитай, пожалуйста, где синяя закладка.

Красная книжка снова оказалась перед девушкой.

Несмотря на все, несправедливость все же имеет ценность. Если мы способны соединить ее с тем, что Господь пережил на крестном пути, на Голгофе, если пренебрежения и обиды, переживаемые нами, мы сознательно соединим с делом искупления, а тем самым с Кровью Христа, то наша жертва приобретет бесконечную ценность.

Господь Иисус всю жизнь страдал невинно, но он делал это сознательно и охотно, чтобы заплатить за нас, чтобы искупить нас. Возможность принимать участие в этом Он оставил и нам. Вместе с Ним мы можем вести дело спасения до конца. Если мы начнем сознательно использовать каждую возможность, каждую капельку крови (говоря образно), если мы больше не упустим тех возможностей, которые с утра до вечера появляются в жизни каждого из нас, если приносим все это в жертву вместе с Кровью Христа, то наша жизнь станет очень богатой, а наша кровь, соединенная с Кровью Христа – драгоценной.

Есть разнообразные формы покаяния: посты, молитвы, паломничества... Все это хорошо, все это имеет свою ценность, но еще более ценные моменты – это несправедливости, которые мы претерпеваем и которые не выбираем сами – неважно где они встречаются нас: в семье, в школе, на работе, в приходе или в монастыре. Неважно, исходит ли то, что мы переживаем, от начальства, настоятелей, домашних, соседей или от других людей; вызвано ли это нашей собственной глупостью или вообще не связано ни с чьей виной.

Мы не должны упускать ни одной капли крови, ни одного проявления несправедливости. Ценность нашей жизни зависит от того, насколько мы сможем вместе с Господом Иисусом принимать участие в деле искупления. Здесь мы откроем величайший смысл нашей жизни и наиболее глубокий аспект смирения, которое очищает и облагораживает нашу любовь.

Михалыч задумчиво пожевал губами.

- Значит, если вышел по амнистии, то либо лезешь в судьи – и тогда снова на зону, либо...

- ...становишься ходатаем о помиловании тех, кто еще сидит, - закончил Владислав. – А к своему ходатайству прикладываешь чек о возмещении ущерба тем, кого они обокрали.

Отец Кшиштоф как-то неопределенно махнул рукой.

- Владислав, это вообще-то уже другая тема... то, о чем ты говоришь, близко к понятию индульгенция. Хотя... Ириша, не сочти за труд, еще маленький кусочек из книжки, вот здесь.

...нам необходимо вместе с апостолом Павлом повторять: «в плоти моей восполняю недостаток скорбей Христовых». Это будет означать, что мы не можем приносить в жертву Кровь Христа, не принося с нею и собственной крови.

- От оно как, Михалыч... – улыбнулся Владислав. Он хотел добавить еще что-то, но его опередил Тимур.

- И все-таки. Что, значит это необходимо – не только не делать, но даже не желать ничего плохого тем, кто поступил с тобой несправедливо? Кто сам держит на тебя зло?

Отец Кшиштоф задумчиво смотрел в темное окно. Не поворачиваясь, он спросил:

- Тимур, по чьему образу и подобию человек создан?

- Ну, отец, это уж для маленьких вопрос. По Божию...

- Так если враг желает тебе зла, – отец Кшиштоф повернулся и в упор посмотрел на Тимура, - а ты начинаешь желать ему зла в ответ, а тем более реализуешь это желание практически – значит, он победил. Он, твой враг, стал твоим богом; он сожрал и переварил тебя, сделав таким же, как он; сделав тебя собой. Ты стал вместе с ним служить желанию причинять зло – ты предал своего Бога и променял свою веру на веру твоего врага. В прямой зависимости от того, насколько успешно ты с ним расправился...

- Жестко, – пробормотал Василий. – Но отец, что, разоблачать преступников, да элементарно – набить морду гопнику, когда он к девушке пристает – это предать свою веру? Как-то не вяжется...

- А разве разоблачение преступника – это зло для него? Больше скажу, даже если ты остановишь гопника, не к девушке пристающего, а отбирающего у тебя кошелек – это далеко не всегда повод для исповеди, - улыбнулся отец Кшиштоф. - Он хотел самоутвердиться за твой счет и использовать тебя, твои деньги. И о твоём грехе можно говорить, только если расправляясь с ним ты имел целью самоутвердиться за его счет и использовал ситуацию, чтобы отобрать у него валюту крутости, как он хотел у тебя отобрать валюту материальную...

- То есть, прощение и возмездие – не взаимоисключающие понятия? – вскинул брови Михалыч.

- Взаимоисключающие, – ответил отец Кшиштоф. – Когда ребенок набегался без шапки и ему приходится делать уколы – это возмездие?

- Ну, вы и сравнили, – фыркнула Рыжик. – Кто ж ему хочет плохо сделать, это лечение...

- То есть бывает, что причинение страдания – это появление милосердия и форма оказания помощи? Вопрос в целях, дорогие. В честности намерений. И... в готовности разделить это страдание. И в любом случае – в готовности самому безропотно пройти тот же курс лечения в случае, если сам набегался без шапки... Это, кстати, тоже к вопросу о справедливости, Тимур.

- Отец, с ребенком понятно, – вступила в разговор Ирина. – Но гопник-то – не ребенок; если не зуб за зуб, ему-то какой укол нужен?

- Ему нужно переливание крови, Ириша. Ставь чайник, тащи сюда пакеты. Перекусим, и потом как раз об этом будем говорить.

- Отец, вы обещали про переливание крови для гопника, – Рыжик, отставив в сторону чашку с недопитым кофе, выжидательно смотрела на священника.

- Обязательно, - отец Кшиштоф прошелся по ораторию и остановился напротив Рыжика.

- Скажи, гопник должен бы увидеть в другом человеке такого же, как он сам? – и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Должен. Но он не сделал того, что должен был. А еврейский народ должен был признать в Иисусе из Назарета Мессию? Тоже должен. И тоже не выполнил своего долга. Михалыч, а ты должен был удержаться от соответствующих действий по отношению ко многим людям на протяжении многих лет? Владислав, ты должен был...

Священник умолк; Владислав медленно кивнул.

- Я мог бы продолжить про каждого из нас, начиная с себя самого. Именно поэтому в начале Мессы мы просим прощения за то, что называем «неисполнение долга». Мы не делаем того, что должно – в обоих смыслах: не совершаем определенных поступков и не удерживаемся от определенных вещей. Поэтому Господь, в Своей изумительной педагогике, прибегает к этому вполне однозначному, почти экономическому понятию – долги. Он сделал за нас все, что должны были сделать мы, и тоже в тех же обоих смыслах. Он заплатил наши долги...

- То есть, мы снова подходим к тоже почти экономическому термину «искупление», - кивнул Владислав. – Только зачем мы просим, если за нас уже заплачено?

- А зачем мы подписываем договор о выкупе долгов предприятия, если инвестор уже зарезервировал средства на это? – возразил отец Кшиштоф. – Разве отказа инвестора от использования этих средств в других целях недостаточно?

- Если совсем по-хорошему, сначала нужно заручиться согласием совета директоров предприятия – потенциального банкрота; по крайней мере, пока не назначен внешний управляющий, – уверенно начал Владислав, и тут же осекся. – Вы хотите сказать, что Господу тоже нужно наше согласие на то, чтобы быть искупленными?

- Точно так, Владислав. Именно этим обращение в христианство в корне отличается от рейдерского захвата.

- Потрясающе, – Владислав явно по-новому осмыслял услышанное. – Инвестор стоит у дверей разорившегося завода и стучит, просит, чтобы совет директоров *соизволил согласиться* с тем, что их долги погашены, пени оплачены... а у инвестора в руках еще и план реструктуризации...

- Да, Владислав. Только совет директоров медлит и кочевряжится: и одет-то инвестор не по дресс-коду, и план-то не в соответствии с их представлениями, и вообще реструктуризация не предусматривает ежемесячных двух-трехнедельных поездок в Куршавель...

Рыжик упрямо тряхнула гривой.

- Отец, и все-таки – про гопника...

- Да, Рыжик. Мы определили, что он должен был сделать, и не сделал. Потому что дал в себе место злу, а не Богу. То есть, на самом деле, враг – не гопник, а зло, которое делает его гопником. Так объяви бой настоящему врагу; найди его на своей территории и брось вызов!

- Отец Кшиштоф, но ведь я-то – не гопник!.. – Рыжик начала говорить возмущенно, но к концу фразы голос ее был уже не таким уверенным, почти вопросительным.

- То есть ты готова первой бросить камень? – в голосе священника зазвучал металл; он словно не заметил перемены в тоне девушки. – Ты никогда не забывала, что стоящий перед тобой человек – образ Божий? Ты никогда не самоутверждалась за чужой счет? И никогда не использовала людей для своих целей? И никогда не пользовалась для этого своим превосходством – пусть не в физической силе, а, например, моральным?

Рыжик молчала, опустив глаза; щеки ее пылали.

- *Peractus est...* - пробормотал Владислав, укоризненно глядя на священника.

Отец Кшиштоф помолчал, а потом продолжил, только уже гораздо мягче.

- Рыжик, ты прости за резкость. То же самое я могу сказать и себе, ты же понимаешь. Я хочу обратить внимание на то, что сейчас прозвучала только одна тема – гопника; включите воображение – что будет, если с прожектора нашего внимания будут сорваны все покровы и фильтры, и мы увидим в самих себе одним разом все те мерзости, за которые свысока судили окружающих.

Девушка вскинула широко распахнувшиеся глаза, румянец на щеках сменился бледностью.

- Это ж... со стыда сгореть! – вырвалось у нее.

- Сгореть не получится; мы бессмертны, - возразил отец Кшиштоф. – Поэтому придется гореть. Только если сейчас мы можем отвлечься, забыть, потерять сознание, наконец; то без тела, после смерти, не забудешь и не отвлечешься. И даже в обморок не упадешь. Но эта обжигающая боль истины – единственная возможность вернуться в реальность для тех, кто в жизни выбирал полуистину, удобную часть истины. Часть, которая ложно успокаивает совесть и щекочет самолюбие, или дает иллюзию власти судить...

- И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим, - тихо сказала Полина.

- Да! – тут же подхватил отец Кшиштоф. – Высочайшая привилегия христиан – быть прощенными; знать, что за наши неисполненные долги сполна внесена уплата. Но лишь при условии, что мы несем этот дар прощения дальше и шире! И если наши грехи, наши долги оплачены Кровью Христовой, то сталкиваясь с любым злом – а особенно, когда это зло причиняет страдание нам самим – мы призваны... – что?

- ...восполнять в плоти моей недостаток скорбей Христовых за Тело Его, - процитировал Владислав. – Так, отец?

Священник кивнул.

- Но тогда получается, – задумчиво произнес Василий, – тогда получается, что когда кто-то причиняет нам зло, нет когда кто-то вообще творит зло, а мы об этом узнаем, то это не случайность и не наказание. Получается, что это нужно нам самим, потому что не простив, мы не можем быть прощены... что-то типа курса лечения, или задания?

- Потому-то Господь и предупреждал, чтобы мы разобрались со своими понятиями о справедливости еще на своем земном пути, когда мы в состоянии решать и прощать, чтобы быть прощенными. Потому что если не успеем, если нам после смерти будет назначен «внешний управляющий», то будем выплачивать в темнице чистилища все долги, до последнего кодранта... – Отец Кшиштоф повернулся к Владиславу. – И вот тогда нам смогут помочь предъявленные оставшимися на земле чеки о возмещении ущерба тем, кому мы остались должны. Но я бы перевел этот вопрос из такой вот юридической плоскости в метафизическую. Да, получается, что это не случайность и не наказание, а прежде всего провиденциальное задание. Даже, я бы сказал, приглашение... Потому что мы не всегда можем отказаться от прямого или косвенного столкновения со злом и страданием, своим или чужим; но мы всегда можем выбрать – как к нему относится. Мы получили дар прощения, и регулярно получаем предложения поделить им с ближними и дальними, или...

- ...променять этот дар на участь Пилата, – веско вставил Михалыч. – Мол, обойдемся без Иисуса, хватит нам римского права... так?

- Совершенно верно. Хотя драма прокуратора глубже и многограннее, но в данной ситуации – именно так. Поэтому, дорогие мои, произнося слова молитвы Господней нужно просто помнить, что под словами «Отец наш» мы должны подразумевать не только «мой и моих любимых ближних», но и «мой и моих обидчиков». Хотя, – улыбнулся отец Кшиштоф, – это очень часто совпадает...

- Отец, - Тимур выглядел слегка озадаченным. – Написано, что прежде, чем молиться, нужно идти примириться с братом. А если он не хочет? Как можно ставить свою молитву в зависимость от чьего-то произвола? Как и когда вообще тогда нужно прощать?

- Ай-ай, вот и хвали тебя за знание Писания, – отец Кшиштоф с шутливой укоризной покачал головой. – Ну-ка, вспомни или найди текст дословно!

- Вот, сейчас... вот! «пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приходи и принеси дар твой». И? – Тимур вопросительно смотрел на священника. Тот слегка нахмурился.

- Тимур, прочитай вместе с предыдущим стихом.

- «...если принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдя прежде примиришься». Ну и что? Все равно не понял.

- Тимур, когда брат твой имеет что-нибудь против тебя, то кто кого должен простить? Кто кого обидел?

- Ну, по идее он меня должен простить.

- Верно. Иначе это будет не дар Богу, а вранье; если в семье брат гнобит сестру, то на фоне этого вряд ли родителей сильно порадуют его разговоры по душам о чем угодно, кроме отношений с сестрой... Но если брат по-честному пришел просить прощения, а сестра дуется и не хочет с ним мириться, кто теперь жертва? А кто, – отец Кшиштоф с улыбкой покосился на Рыжика, – злоупотребляет своим моральным превосходством?

- Понятно. – Тимур кивнул. – Там речь идет не о тех, кому нужно простить, а о тех, перед кем сам виноват.

- А о тех, кому мы должны прощать - всегда это нужно лично? – вмешалась Ирина. – А если обидчик далеко? А если он вообще умер уже?

- А что скажет специалист по Священному Писанию? – отец Кшиштоф с улыбкой смотрел на Тимура. – Что говорит Евангелие, когда нужно прощать обидчикам? Только не про то, сколько раз это нужно делать, а про то – когда?

Смуглые пальцы Тимура снова заскользили по мобильнику.

- Вы про это, отец? Марк, одиннадцать-двадцать пять. *«Когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши».*

- Реабилитирован! – удовлетворенно улыбнулся священник. – Вот мы и определили место и время для прощения – помимо, конечно, тех случаев, когда у нас кто-то просит прощения «живьем». Попробуем осознать, что в выражении «как и мы прощаем должникам нашим» слово «прощаем» означает не «так, вообще, как правило прощаем», типа имеем такое обыкновение – прощать; нет, прощаем вот прямо сейчас, в этот самый момент, когда стоим перед Небесным Отцом. Это должно быть не молитвой фарисея «пошусь два раза в неделю»; это должен быть листок со списком конкретных обид, нанесенных конкретными людьми, который вы прямо посредине молитвы Господней разрываете в клочки со словами: «отказываюсь от сатисфакции».

- То есть нужно не просто задекларировать свои принципы лояльности к должникам вообще, - Владислав покачал головой. – Нужно подписать конкретный документ с конкретной суммой для конкретной компании, так?

- Так, Владислав. Но это не все. Когда Иисус произносил слова «прости им, Отче, ибо не ведают, что творят!», речь шла о конкретных людях и об очень конкретных действиях. Благодаря молитве Иисуса, именно эта страшная конкретика стала еще одной лампой, свет которой отражается и преломляется в бесчисленных кристаллах, рассыпанных по всей предыдущей и последующей истории человечества. И благодаря этому свету прощение Божие простерлось до края земли и до конца времен...

- Вот теперь, пожалуй, мы готовы приступить к основной части нашей сегодняшней встречи, – отец Кшиштоф держал в руках целую связку странно коротких четок с красными бусинами.

- Ничего себе, – Тимур и Василий переглянулись. – Полночи проговорили, столько всего обсудили – и все это только вступление?

- Парни, вся жизнь – только вступление, - весело отозвался отец Кшиштоф. – Рыжик, раздай, пожалуйста, четки.

- А почему по пять бусин? И почему шесть тайн? – Ирина внимательно рассматривала необычный розарий.

- Потому что когда-то, почти две сотни лет назад, именно по таким четкам начали молиться члены сообщества, посвятившего себя служению Крови Христовой. Все, что мы сегодня (и уже вчера!) с вами обсуждали, это наследие именно этого сообщества, которое сейчас называется Конгрегация Драгоценной Крови Христовой. Всем настоятельно рекомендую поискать в сети биографию одного из основателей этой конгрегации, святого Гаспара Буффало. Ну, а с творчеством его последователей мы уже частично познакомились – отец Винфрид Вермтер как раз представляет польскую провинцию этой конгрегации.

- А у нас они есть? – поинтересовался Владислав.

- Были когда-то в Твери; знаю, что лет пятнадцать назад отцы и сестры этой конгрегации посещали Владимир. Сейчас есть небольшая группа в Москве. Я-то с ними познакомился в Польше, в Центре семейной формации в Раве Мазовецкой. А потом был еще в их хосписе. Удивительные ощущения... вот тогда и зацепило, стал читать. А когда убедился, что такое понимание значения Крови Христовой реально меняет жизнь, а главное – отношение к ней, понял, что нельзя ограничиваться индивидуальной духовной практикой – застой получится, а там и до тромбоза недалеко, – отец Кшиштоф с улыбкой посмотрел на Василия. – Так что давайте вернемся от истории с географией к практическому богословию.

Священник взял в руки красные четки.

- Община Крови Христовой предлагает сосредоточиться на семи эпизодах земной жизни Спасителя, во время которых – как мы говорили в самом начале – реально проливалась Кровь Иисуса. Это обрезание Господне, молитва в Гефсимании, бичевание, венчание тернием, крестный путь, распятие и прободение ребра уже после смерти. Как видите, частично это дублирует скорбные тайны обычного, богородичного розария. В отличие от него на каждой бусине мы произносим молитву Господню. Но нам нужно помнить, что именно через Пречистую Деву Божье Слово стало плотью, обрело Плоть и Кровь. Поэтому нам просто не обойтись без Ее помощи в том, чтобы наша жизнь стала продолжением Воплощения Ее Сына.

- И что, мы просто будем по пять раз читать Отче наш? – Тимур с сомнением смотрел на четки.

- Сначала, Тимур, мы попытаемся найти параллели между событиями, которые вспоминаются в очередной тайне розария Драгоценной Крови, и событиями нашей собственной жизни, – терпеливо объяснил священник. – Помнишь, мы только что читали? *«мы не можем приносить в жертву Кровь Христа, не принося с нею и собственной крови»*. Будем считать, что наше прошлое – это то, из чего мы получились сегодня такими, какие мы есть; в каком-то смысле – это та земля, из которой мы слеплены. А что нужно делать с землей, что Господь велел, а, Тимур?

- Возделывать и хранить?

- Правильно. Чтобы приносила плод. Вот этим мы сейчас и займемся... Только давайте договоримся, что пока любые находки в собственном прошлом мы не будем выносить на обсуждение. Это может стать темой отдельной встречи, а сейчас главное – каждому встретить в своем прошлом Господа.

- Первая тайна розария Крови Христовой – это воспоминание обрезания Иисуса Христа. Что вообще означал обряд обрезания?

- Ну, это был знак принадлежности к еврейскому народу, – уверенно сказал Тимур. – Правда, если быть точным, то не евреи его изобрели, обычай был уже распространен среди тамошних народов...

- Совершенно верно. Бог просто взял его на вооружение, – подтвердил отец Кшиштоф. – Можно очень много размышлять о самых разных смысловых гранях обрезания. Но сегодня я хочу предложить вам поразмышлять над одним простым на первый взгляд аспектом этого обряда, совершенного над новорожденным Иисусом. Повторяю, это лишь один аспект, который не отменяет и не замещает все остальные – оставлю их на вашу самостоятельную работу.

- Вы о чем, отец? – в голосе Рыжика звучало нетерпение.

- Рыжик, как ты думаешь, младенец, которому несколько дней от роду, может осознавать значение совершаемых над ним действий?

- Ну, конечно нет! Хотя, если вы говорите об Иисусе... Он же не простой младенец, так?

- Вот тут-то и запахло монофизитством, – досадливо заметил священник. – О каком вочеловечивании можно говорить, если мы вообразим, что Он, едва родившись, мог уже рассуждать, вести теологические диспуты, сознательно творить чудеса... Нет, Он был самым обычным малышом, по-человечески несмысленным. Он рефлекторно плакал от боли, голода и холода мокрых пеленок, Он нуждался в заботе и защите окружающих... Он не умел ни молиться, ни просто разговаривать, Рыжик! И уж тем более Он не мог задаваться вопросами смысла боли, голода и холода – Он просто плакал...

- Отец Кшиштоф, – вступила в разговор Полина, – то есть, вы хотите сказать, что он совсем-совсем не осознавал смысла того, что с ним делают – Ему было просто больно?

- Полина, вы кратко и емко сформулировали тот самый аспект, который я имел в виду, – благодарно кивнул священник. – Я предлагаю каждому сейчас в течение пары минут просто вспомнить несколько ситуаций, когда горше всего было то, что вы не видели в происходящем никакого смысла! Неважно, ваше страдание было тому причиной, или ситуация с другими людьми... Вспомните, когда в вас поднимался протест против Господа, когда вы про себя или даже вслух кричали Ему: «Зачем Ты это допустил?!»

Несколько минут в оратории висела напряженная тишина; священник, опустив голову, медленно перебирал четки. Потом поднял глаза на прихожан, остановился взглядом на Ирине; в глазах девушки дрожали слезы.

- Это иногда очень трудно, – сочувственно кивнул ей отец Кшиштоф. – Но если мы не научимся доверять Ему, не требуя каждый раз скрупулезного и немедленного отчета в происходящем, то не сможем стать служителями Бога-Слова, Логоса, а навсегда останемся заложниками гнозиса, собственного знания. Поэтому сейчас мы будем молиться за тех, кто отошел от Бога, потому что не нашел немедленного ответа на все свои вопросы; и за тех, через кого пришла к нам боль, в которой мы не видели смысла.

Отец Кшиштоф повернулся к висящей в углу иконе, на которой был изображен сидящий на руках Богородицы Младенец Иисус, держащий в руке евхаристическую чашу. Вслед за священником все встали на колени.

- Отче предвечный, вместе с Марией и через Марию мы приносим Тебе драгоценную Кровь возлюбленного Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа, которая была пролита Им при обрезании, и которая незримо льется в нашей жизни и страданиях. Да изгладит она наши грехи, да послужит спасению чад Твоих, через кого пришли к нам страдания, в которых мы не видели смысла. Пусть это не помешает нам доверять Твоему бесконечному Милосердию. ОТЧЕ НАШ, СУЩИЙ НА НЕБЕСАХ...

- Вторая тайна розария Крови – молитва в Гефсимании. Чему мы можем научиться, что должны понять и чем призваны делиться, когда сосредотачиваемся на этом событии? – отец Кшиштоф почему-то пристально смотрел на Михалыча.

- Наверное, это проблема выбора, – отозвался тот неожиданно севшим голосом. Прокашлявшись, он продолжил. – Когда нужно выбирать между тем, как надо, и... и...

- ... смертью, – пробормотал Василий.

- Не просто смертью, – подхватил отец Кшиштоф. – Мучениями и смертью, причем становятся они причиной не только твоих собственных страданий. Михалыч совершенно четко определил, что это именно проблема выбора. Но ведь когда мы выбираем, мы всегда умираем – для альтернатив нашему выбору! За любым выбором стоит умение умирать. Поэтому за любым выбором стоит страх смерти, напрямую или в обличье иного страха.

- Отец, то есть тайна молитвы в Гефсимании – это тайна победы над страхом? – теперь Михалыч пристально смотрел на священника.

- А что такое победа над страхом? – ответил тот вопросом на вопрос.

- Ну, когда перестаешь бояться, наверное...

- Не срастается, – решительно вступил в разговор Тимур. – Когда перестаешь бояться, то страха нет, и нечего преодолевать. Мертвого соперника не победить...

- Ай, умница! – отец Кшиштоф трижды хлопнул в ладоши. – Конечно же, задача не в том, чтобы страха не было. Задача в том, чтобы делать, как сказал Михалыч, «как надо» – независимо от того, есть страх или нет! Посмотрите, что делает Иисус. Он не скрывает Своего страха, продиктованного естественным желанием избежать мучений. Наоборот, Он ОТКРЫВАЕТ Свой страх перед Отцом. Но вслед за этим Он признает, что в Его системе ценностей воля Отца – большее благо для Него, чем собственная физическая безопасность. Это не чувство, это – решение. Парни, послание к Филиппийцам, глава четыре, дайте мне.

На этот раз Василий опередил Тимура и протянул телефон священнику.

- *Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе.*

Отец Кшиштоф передал телефон обратно Василию.

- Перед нами краткий и исчерпывающий алгоритм победы над диктатом любых тревог, страхов и беспокойства. Первое – Он всегда рядом. Он знает, что вы сейчас переживаете; более того – Он Сам это переживал. Второе, о чем нам уже сказал сегодня Василий: любые обстоятельства – это задание, знак Его доверия, а это предполагает благодарность с нашей стороны. Третье – не тратьте силы на борьбу с чувствами и переживаниями – рассказывайте о них Господу! Без этого доверия мира в душе не будет. А с доверием – Он Сам гарантировал мир устами Своего ученика... Поэтому сейчас две минуты на то, чтобы вспомнить самые страшные минуты в своей жизни, тех, кто заставлял вас переживать этот страх; вам нужно мысленно вернуться в прошлое и раздёрнуть над ним шторы: откройте ваши страхи Господу, там Он к вам так же близко, как и сейчас!..

- ...Ух! – выдохнул после продолжительной паузы Михалыч. Жесткая складка у рта его куда-то делась, он вдруг стал похож на удивленного мальчишку. Отец Кшиштоф предостерегающе поднял руку и опустил на колени перед иконой.

- Отче предвечный, вместе с Марией и через Марию мы приносим Тебе драгоценную Кровь возлюбленного Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа, которая была пролита Им в Гефсимании, и которая незримо льется в нашей жизни и страданиях. Да изгладит она наши грехи малодушия и послужит спасению тех, кто заставлял нас бояться. Пусть никакие страхи не смогут помешать нам исполнять волю Твою! **ОТЧЕ НАШ, СУЩИЙ НА НЕБЕСАХ...**

- Сейчас, судя по всему, мы будем говорить про боль? – Ирина выжидательно смотрела на священника.

- Правильно, – утвердительно кивнул он. – Ты сегодня уже говорила нам об этом, упомянув один из аспектов физического страдания. Господь действительно рассказал блаженной Фаустине, что Его бичевали прежде всего за наши грехи плоти. Впрочем, в третьей тайне розария Крови речь идет о любом физическом страдании, а особенно о несправедливом.

- Я вообще не понимаю, как можно терпеть боль, тем более – такую, - глядя куда-то в пол, проронила Рыжик.

- Это действительно непросто, – отозвался священник. – Недаром святой Фома Аквинский как-то заметил, что добродетель мужества предполагает прежде всего умение переносить физическую боль. Рыжик, ты у зубного давно была?

- Ну, вы сравнили тоже... – вскинулась девушка. – А потом, если честно, я и к стоматологу до последнего тяну.

- Ну, а если все-таки дотянула, сбегала хоть раз прямо из кресла? – не отступал отец Кшиштоф.

- Вот еще! Если уж сдалась, надо терпеть.

- А что позволяет терпеть?

- Так ведь если не вылечить – еще хуже будет, все равно придется потом идти и терпеть!

- Ага, – удовлетворенно кивнул священник. – То есть, если ты видишь – зачем терпеть, то терпишь!

- Но ведь есть боль, которую не стерпишь, – возразила Рыжик.

- Рыжик, поздравляю. Мы только что фактически вывели формулу терпения.

Отец Кшиштоф подошел к доске и написал: **ТЕРПЕНИЕ = СМЫСЛ - СТРАДАНИЕ**

- Если мы видим смысл в переносимом страдании, если этот смысл больше, чем интенсивность наших переживаний, то у терпения знак «плюс», - повернулся к прихожанам священник. – А если страдание больше смысла, то математическое выражение приобретает отрицательное значение, и тогда ТЕРПЕНИЕ превращается в НЕ-ТЕРПЕНИЕ.

- То есть, если нет возможности избежать страдания, то нужно найти в нем большой смысл? – Полина вся подалась вперед, напряженно ожидая, что скажет отец Кшиштоф.

Священник внимательно посмотрел на нее.

- Более того, Полина. Даже если кажется, что есть способ предотвратить или прекратить страдания, но этот способ нравственно неприемлем, нужно искать и находить смысл в происходящем. Это, как скажет брат Василий, тоже задание, только повышенной сложности... и помочь его выполнить может лишь тот, кто сам решал подобные задачки.

Михалыч задумчиво потер подбородок.

- Выходит, раз есть много людей, которые из страха перед болью изменяют себе и другим, а в конечном счете – и Богу, то раз уж тебе выпало терпеть боль, ты можешь попросить не только терпения, но и чтобы эта боль не досталась тем, кто из-за нее не сдюжил бы?..

- Именно так и выходит, - подтвердил священник. – Только не забудем Его слов Фаустине: речь идет не только о физической боли, но о любом телесном дискомфорте, о любой плотской страсти, и в первую очередь похоти. Просто боль, как квинтэссенция телесного дискомфорта, является универсальной валютой... белым светом, включающем в себя весь спектр.

Отец Кшиштоф еще раз посмотрел на задумавшуюся Полину и повернулся к иконе.

- Отче предвечный, вместе с Марией и через Марию мы приносим Тебе драгоценную Кровь возлюбленного Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа, которая была пролита Им в бичевании, и которая незримо льется в нашей жизни и страданиях. Да изгладит она

наши грехи и послужит спасению тех, через кого пришла к нам боль. Да станет наша боль местом встречи с Твоим Милосердием и его орудием! ОТЧЕ НАШ, СУЩИЙ НА НЕБЕСАХ...

19

- Четвертая тайна – венчание Иисуса терновым венцом. Опять же, у этого события много аспектов, неисчерпаемо; но сегодня я предлагаю подумать о власти и достоинстве. Потому что, как ни крути, корона – это знак именно королевской власти и царского достоинства. В первых, когда в Евангелии речь идет о терновом венце? Что там, вообще, происходило?

- Венец сплели римские воины, – отозвался Тимур. – Вот: *и, сплетиши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмеялись над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!*

- То есть, совершается просто извращение, – вмешался Владислав. – Мало того, что солдатня глумится над человеком, так Он ведь еще и на самом деле Царь! Предметом издевательства становится сама истина... ведь не просто царя низводят до положения раба, а при этом еще и называют царем, и в этом вся соль. Массаракш, реальность наизнанку...

- А я сразу вспоминаю фильм «Голгофа», помнишь? Про ирландского священника, которого в конце застрелили, – заговорила Ирина. – Когда та дамочка предлагает ему переубедить ее и удержать от очередного... сексуального приключения.

- А у меня была практика в наркологии, – задумчиво произнес Василий. – Там одна девчонка, героиновая зависимость, родители уложили... Увидела у меня четки случайно, и вцепилась как клещ: раз ты такой верующий, да еще в нашем отделении, напиши разрешение на отпуск! Какой же ты на фиг врач, если не можешь... Я же знаю, что нельзя, она на новый круг пойдет, но так поганно на душе было...

- У нас один такой был, – хмуро пробормотал Михалыч. – Как узнавал, что кому-то амнистия светит, аж с лица менялся: чистеньким, мол, сука, заделался? Ну и... способов-то много есть, как заставить человека сорваться, чтоб новый срок мотать...

Отец Кшиштоф, внимательно слушавший прихожан, кивал, а потом, глядя в окно, сказал:

- Мне как-то один контрактник, совсем больной парень, поломанный, сунул под нос определенную подборку с ютьюба. Мол, смотри, что люди друг с другом делают; а теперь молись своему доброму Боженьке, чтоб Он их всех простил, тебе ж по сану положено... Но мы все же перешли на конкретику. Итак, когда можно говорить о Крови Иисуса, которую Он пролил при венчании тернием? Первое: когда на наших глазах или в отношении нас самих попирается человеческое достоинство – в любой форме. Второе – когда идет нарушение субординации. Когда подросток хамит матери (а куда она денется? мать, стерпит!), когда мы злорадно смотрим на попытки руководства вытащить предприятие из финансовой ямы и радуемся их провалам, когда мы отрываемся на ком-то на якобы законном основании... А третье – когда мы сталкиваемся со злоупотреблением властью – тоже в любой форме. Иисус показал ясный пример – что такое служение облеченного властью. Он не дал власти новое содержание, он вернул ей содержание первоначальное: власть – это не способ заставить других служить тебе, это особый способ твоего служения другим. Поэтому, возвращаясь к актуализации, каждая взятка, каждый акт тупого или, напротив, утонченного самодурства, каждая попытка использовать – простите за казенный язык, но он тут очень точен – служебное положение в личных целях, все это несовместимо с тем, что Иисус определил как достоинство власти. А значит каждый такой акт – это удар по Его голове, венчанной терновым венцом. А теперь две минуты на то, чтобы вспомнить: кого унижали мы – и кто унижал нас...

И после непродолжительного молчания в оратории снова зазвучали слова молитвы.

- Отче предвечный, вместе с Марией и через Марию мы приносим Тебе драгоценную Кровь возлюбленного Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа, которая была пролита Им при венчании тернием, и которая незримо льется в нашей жизни и страданиях. Да

изгладит она наши грехи против достоинства людей, и да послужит прощению тех, через кого к нам пришли унижения и кто злоупотреблял властью! ОТЧЕ НАШ, СУЩИЙ НА НЕБЕСАХ...

20

- Пятая тайна розария Драгоценной Крови Христовой, несение креста. Мы с вами много размышляли над стояниями Крестного пути этой весной, во время Великого поста. А теперь я предлагаю вам сосредоточиться на одном из аспектов крестного пути в целом.

Отец Кшиштоф повернулся к молодым людям.

- Василий, помнишь – ты в мае уговорил декана, чтобы он разрешил тебе в две смены учиться, чтобы две недели на горы выкроить?

- Конечно, помню, – откликнулся тот. – Такое не забудешь, пришлось ведь еще ночные дежурства уплотнить, да и тренировки нельзя было пропускать – Эльбрус все-таки... Ну и потом ребята помогли, пару дежурств у меня взяли.

- А на восхождении как, все легко было?

- Отец, вы же сами знаете – в горах легко не бывает, туда не за этим идут...

- А когда по ночам на дежурствах зубрил, были мысли бросить все и отказаться?

Василий задумался.

- Наверное, были. Но упускать такую перспективу не хотелось – закрыть второй разряд, да еще на Эльбрусе...

- То есть, когда мы совершаем какие-то усилия, нам всегда помогает ощущение перспективы, - заключил отец Кшиштоф. – А теперь давайте представим – какая перспектива была, по человеческим меркам, у Иисуса, несущего крест?

Воцарилось молчание.

- Голгофа у Него впереди была... - пробормотал Михалыч.

- Так, – кивнул священник. – Иисус совершал невероятные, мучительные усилия – не забудем, что перед этим Его фактически всю ночь допрашивали и избивали, а утром подвергли бичеванию – по человеческим меркам, с каждым шагом приближая еще более мучительную смерть.

- Но ведь Он помнил, ради чего все это делается, – тихо заметила Полина.

- Совершенно верно, - подтвердил священник. – Помните, в фильме Мэла Гибсона эту режиссерскую находку, когда на крестном пути после очередного падения Иисус поднимает глаза на Свою Мать и говорит Ей: «Смотри, вот я творю все новое!..» Поэтому я несколько раз повторил – *по человеческим меркам*, с точки зрения обычного так называемого «здорового смысла», не берущего в расчет религиозное измерение...

- А как можно не брать это в расчет? – вскинулся Тимур.

- Тимыч, это на самом деле не так просто, – серьезно сказал Василий. – Я как-нибудь притащу тебя в детскую онкологию. Ты даже не на ребят посмотришь, а на родителей. Легко вот так богословствовать... а день за днем улыбаться, сказки читать, в перевязочной торчать, сопли-слезы утирать... а если знаешь, что впереди – не выздоровление и долгие годы, а несколько месяцев, или даже недель?

- Это бывает очень тяжело, – кивнул отец Кшиштоф. И тем не менее Павел предупреждал коринфян и предупреждает нас с вами: *И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков*, И поэтому мы сейчас вспомним, когда мы совершали или сейчас совершаем усилия – даже вопреки их кажущейся бесплодности; когда у нас опускались руки, и мы переставали делать усилия; и вспомним тех, кто нам помогал, а кто мешал и причинял боль на этом нашем пути...

- Отче предвечный, вместе с Марией и через Марию мы приносим Тебе драгоценную Кровь возлюбленного Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа, которая была пролита Им при несении креста, и которая незримо льется в нашей жизни и страданиях. Да упразднит

она нашу греховную зависимость от немедленных и явных результатов наших усилий, и да послужит прощению тех, кто, поддавшись унынию, отказался совершать усилия для собственного спасения и служения Богу и ближним! ОТЧЕ НАШ, СУЩИЙ НА НЕБЕСАХ...

21

- В предыдущей тайне мы размышляли о том, как соединяются с несением креста наши с вами усилия, даже когда они кажутся напрасными и бесплодными, - отец Кшиштоф прошелся по ораторию и остановился напротив висевшего на стене большого деревянного распятия. - В шестой тайне нам предстоит встретиться с Иисусом в те моменты, когда мы и рады бы что-то предпринять, но это оказывается невозможно. Когда происходит что-то плохое, неправильное, страшное, несправедливое - а мы ничего не можем сделать...

- То есть, если мы только что говорили о том, как соединять с Христовыми страданиями мучительность наших УСИЛИЙ, - не отрывая взгляда от распятия, задумчиво произнес Владислав, - то теперь мы будем искать смысл в муках нашего БЕССИЛИЯ?

- Да, Владислав, - кивнул священник. - Причем мы говорим о бессилии в обоих смыслах: и о тех случаях, когда мы реально, физически ничего не можем изменить, и о ситуациях, в которые мы могли бы вмешаться, но... переступив через совесть, а значит, нужно было продолжать внешне бездействовать. Мы ведь как-то редко задумываемся, что Иисус в любой момент мог все прекратить. Кстати, когда Он Сам об этом говорил?

- Это в Гефсимании, когда Петр за меч схватился? - Владислав вопросительно смотрел на священника. - Когда Он сказал, что мог бы у Отца легион ангелов в помощь попросить?

- Да, там, - кивнул отец Кшиштоф. - Но не только. Парни, найдите - Евангелие Иоанна, десять-семнадцать... давайте сюда. «Никто не отнимает ее [жизнь] у Меня, но Я Сам отдаю ее: имею власть отдать ее...».

- Немного непонятно, - отозвался Владислав. - С ангелами понятнее...

- Владислав, вы можете сейчас оставить свою фирму на произвол судьбы? - посмотрел на него священник. - И, скажем, спокойно улететь в теплые края в качестве рантье?

Владислав энергично помотал головой.

- Это невозможно, отец. На нынешнем этапе...

- Это возможно, Владислав, на любом этапе, - решительно перебил его отец Кшиштоф. - Для вас невозможно поднять рукой грузовик. Невозможно выжить в течение получаса под водой. Но все бросить - физически вполне возможно. Об этом крайне важно помнить. Каждый день, каждый час вы совершаете выбор - быть главой компании, нести ответственность перед людьми, преодолевать бюрократические препоны... Точно так же, как формально вы можете в любой момент бросить свою семью и завязать десяток приятных и необязательных отношений. И вы совершенно свободно, настаиваю - САМИ - решаете оставаться мужем и отцом, несмотря на все тяготы и трудности супружеской верности и ответственного родительства. Тут вам дана власть принять свой крест или отвергнуть его.

- Так ведь это про что угодно можно сказать! - вмешалась Рыжик.

- Нет, не всегда, - возразил отец Кшиштоф. - Ты не можешь по своей воле прекратить все войны на планете, и часто даже в собственной семье. А когда Василий соберется вести Тимура в детскую онкологию - попросись с ними... там всегда найдется кому и чем помочь.

- Тогда это скорее участь Марии, - тихо сказала Полина. - Она ведь ничего не могла сделать, чтобы помешать распятию Сына... Только быть рядом и верить.

- Часто это все, что от нас требуется, - кивнул священник. - Хорошо, что мы имеем возможность сделать это даже задним числом... Две минуты на воспоминания - когда мы просто ничего не могли изменить, а когда нужно было изо всех сил удерживаться до конца, чтобы не послушаться вкрадчивого шепота или командного окрика - сойди с креста!..

- ...Отче предвечный, вместе с Марией и через Марию мы приносим Тебе драгоценную Кровь возлюбленного Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа, которая пролилась, когда

Он был пригвожден к кресту, и которая незримо льется в нашей жизни и страданиях. Да соединятся все наши муки бессилия с Его терпением на кресте, и да послужат спасению тех, из-за кого мы страдали! ОТЧЕ НАШ, СУЩИЙ НА НЕБЕСАХ...

22

- Два года мы были рядом, – отец Кшиштоф задумчиво смотрел на светлеющую полосу горизонта. – Он закончил другую семинарию годом раньше, так получилось, что я попал в приход, куда его только что перевели. Нам поручили работать с молодежью. У него была потрясающая способность – общаться в группе так, что каждый чувствовал, словно он говорит именно с ним. Даже на его проповедях возникало такое ощущение... Я не уставал удивляться – как он может внешне беззаботно принимать на себя любых людей и обстоятельства, которые на него сваливались; это помимо того, что он сам искал на свою голову... И так же внешне без усилий он умел отдавать это, отпускать. Так надежно держать, и так ни за что не цепляться... Глядя на него, я учился доверять Богу, Которому так умел доверять он. И ведь я не раз видел, как он в молитве был встревожен, спрашивал, почти спорил, привлекал меня в свидетели, сетовал, бывало даже плакал... Но за всем этим стояло такое глубокое fiat Богу и Его планам, что просто невозможно было не заражаться этим ощущением реальности Его Присутствия, прямо-таки осязаемого чувства руки на плече...

- Как его звали, отец? – тихо спросила Ирина. – И... с ним что-то случилось?

- Марек, отец Марек, – повернулся к ней священник. – Вы, может быть, слышали про ту трагедию в Татрах, с группой ребят из летнего лагеря?

- Это когда, кажется, кто-то остался в палатке с новичком? – поднял голову Василий.

- Это и был отец Марек. Их тогда накрыло лавиной, а потом сразу налетела непогода. Ребята успели ссыпаться глиссиром на ледник, а у Кароля были сломаны обе лодыжки. Он из палатки-то выбраться не мог... Спасатели пробивались к ним два дня... Марек остался с Каролем до конца, хотя мог уйти с ребятами еще до начала бурана. Там их обоих и нашли...

- Отец, – осторожно сказал Василий, – а говорили...

- Говорили! – жестко перебил его, почти крикнул отец Кшиштоф. – Да, когда выяснилось, что у отца Марека был миелолейкоз, про который вообще никто почти не знал, поползли разговоры о завуалированном самоубийстве. Стали трясти врачей – как, мол, могли разрешить пойти в горы человеку с таким заболеванием, да еще с подростками. Но, во-первых, он был не один, и вообще руководил походом совсем другой человек. А во-вторых... После его гибели я чуть не оставил сан. Само представление о доверии Богу казалось насмешкой – и не только из-за того, что его больше не было рядом, но и из-за этих самых разговоров, которые пошли даже среди нашего брата и руководства... Только потом пришло понимание, что как Господь пошел бы на крест даже ради меня одного, так и для отца Марека всем человечеством стал умирающий Кароль. Марек просто, как верный управитель, нашел самое правильное вложение для остающегося у него серебра Господа...

- Понятно, – кивнул Василий. – Извините, отец Кшиштоф...

- Да конечно, – махнул священник. – Благодаря Мареку я, как мне кажется, осознал, каково было ученикам Иисуса. Видеть на кресте мертвое тело Учителя и понимать, что все, сказка кончилась, не успев стать реальностью... Ну вот, – виновато развел руками священник. - Сам же сказал, что конкретику оставим на потом, и сам же нарушил это правило!

Рыжик осторожно тронула его за рукав сутаны, отец Кшиштоф вопросительно обернулся.

- Спасибо, что рассказали нам, отец! – глаза Рыжика подозрительно блеснули. – И... спасибо вам за то, что мы для вас важнее, чем правила! Кажется, мы все знаем, о чем нужно будет сейчас вспоминать...

Отец Кшиштоф благодарно коснулся ее руки и повернулся к иконе.

- ...Отче предвечный, вместе с Марией и через Марию мы приносим Тебе драгоценную Кровь возлюбленного Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа, которая пролилась из

Его пронзенного ребра, и которая незримо льется в нашей жизни и страданиях – ради спасения умерших, и да станет она залогом победы над отчаянием, когда мы будем терять наших близких и хоронить наши надежды! ОТЧЕ НАШ, СУЩИЙ НА НЕБЕСАХ...

23

- Ну вот, дорогие мои, наше сегодняшнее ночное путешествие подошло к концу, - сказал отец Кшиштоф, поднимаясь с колен после долгого молчания перед иконой. – Прежде, чем мы расстанемся, я хочу сказать вам несколько вещей. Во-первых, я благодарен вам и Господу за эту ночь. Я надеюсь, каждый найдет что-то для себя в том, что сегодня прозвучало; для меня, как ни парадоксально, многое стало откровением, ваши вопросы заставили меня сформулировать какие-то моменты, которые до этого ускользали от понимания.

- Ничего себе... – удивленно протянул Тимур. – А было ощущение, что вы словно заранее знали – что мы скажем и что ответить...

- Спасибо на добром слове, - улыбнулся священник. – Но, как видишь, я учусь вместе с вами, просто хорошо притворяюсь... Во-вторых, я предлагаю вам соединить с сегодняшними размышлениями над тайной Крови Христовой и ее действию в нашей жизни два отрывка из Ветхого Завета. Первый – это слова Господа Моисею при горящей купине: место, на котором ты стоишь, есть земля святая. Чем отличается святое место от обычного?

- Святое – это там, где присутствует Бог? – полуутвердительно произнес Владислав.

- Точно так, – кивнул отец Кшиштоф. – Поэтому я предлагаю вам отныне и впредь, и даже вспять! – любые обстоятельства своей жизни, любые места, времена и состояния считать той самой святой землей, которую нужно отвоевывать у всего, что противится присутствию Бога Милосердия. Я предлагаю каждому отправиться в свой личный крестовый поход... четки можете оставить себе как оружие, наряду с обычным розарием. Чтобы – и это второй фрагмент – каждый из нас смог вслед за псалмопевцем повторить слова из пятнадцатого псалма: *Господь есть часть наследия моего и чаши моей. Ты держишь жребий мой. Межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня.* Пусть настанет миг, когда, все до конца отдав Господу, как это делали сегодня в розарии Крови Христовой, мы сможем сказать эти слова про любой момент нашей жизни, будучи благодарными Господу за вверенную нам часть Его реальности! И хотя сейчас мы не служили Мессе, я хочу напутствовать вас словами – *ite, missa est*; идите, ибо вы – посланы... кстати, вы уже разобрались – кто кого развозит по домам?

Проводив прихожан, отец Кшиштоф подошел к окну. Дом священника стоял на возвышенности, и через ажурную чугунную решетку был хорошо виден город, уступами спускавшийся с соседнего холма, обращенного к востоку.

Глубокая небесная синева раннего утра постепенно отступала, двигалась к горизонту, сменяясь светлеющей прозрачной голубизной. Вдруг последние этажи белых новостроек на вершине холма вспыхнули багрянцем; рубиновые потоки света медленно потекли вниз по стенам домов.

Священник видел, как кроваво-красные отсветы ложились на коробки жилых кварталов, потом окрасили белое здание областной администрации; потонула в алом свете светлая желтизна университетских корпусов; вот засветились киноварью крыши городской поликлиники и дома культуры, потом запылали металлические ангары и кирпичные здания промзоны у подножия холма. Несколько минут – и алая волна накрыла и убогие домишки частного сектора за промзоной, и разбросанные среди них дорогие двух-трехэтажные коттеджи, не делая между ними никакого различия... И вот уже город во всех своих обличьях залит и омыт вездесущими лучами цвета свежепролитой крови.

А солнце вставало все выше, и через какое-то время тревожный красный цвет стал светлеть, словно растворенный прозрачной водой. И взору священника воочию открылось, как все, буквально все, что ранее было омыто алым, возвращало свои краски, исполняясь царственным достоинством всепобеждающего золотого сияния...